Глава 5

Она была негодницей, с рыжими волосами и светлой кожей. Рожденная одна, в далеких аллеях с тенями убийц в компании, она была одной из тысяч крыс в городе и одной из сотен человеческих. Ее мать, скорее всего, была шлюхой, а ее отец был благородным человеком с деньгами, который купил ночь с друзьями, которые были слишком пьяны. У нее не было друзей, ни семьи, о которой она знала, кроме одной - у нее была старшая сестра, заботливый, добрый дух, которому, может, было лет 16.

Там, где ее сестра была прекрасна, она была отвратительной - черные линии покрывали ее лицо от рождения в огне, или как сказала ее сестра. Ее сестра рассказала девушке в темные ночи, что она родилась в пылающем доме, что это огонь разрисовал ее волосы красным. Она сказала, что огонь был посланником богов, что они благословили ее во время ее рождения.

Было иронично, насколько далеко это было от истины.

Ее сестра была добрым человеком, редким камнем в этих трущобах, у которого всегда была улыбка на лице. Какой бы голодной она ни была после дня без еды, как бы она ни устала после дня бега, как бы она ни боялась после того дня, когда беспокоилась о том, что может получить нож в спину , ее сестра всегда улыбалась.

Слоан не могла не заметить, что улыбка исчезла в тот день, когда ее сестра была изнасилована пятью мужчинами, а затем расчленена перед ее расширенными глазами.

Она была вынуждена смотреть, как они были с ней, заставили смотреть, как они оторвали ее руки, снова и снова били ее в живот. Кровь стекала из рваных ран, порезы выстилали ее тело. Это нежное лицо было покрыто слезами, рот скривился, ее волосы резко дернули. Когда им было достаточно весело, они били ее лицо о кирпич, давая ему пару последних ударов, чтобы убедиться.

Дождь, возможно, смыл пятна на кирпиче, но девушка все еще помнила. Вспомнила, как ее сестра кричала, чтобы она бежала. Вспоминала взгляд на ее лице, когда они держали ее и убивали, и трахали ее окровавленную, пока улица не была покрыта красным. Вспоминала, что прекрасное, доброе лицо было в синяках и порезах, слезы текли, когда она вопила от боли и безнадежного отчаяния. Вспоминала постоянный поток прохожих, который игнорировал ее крики и мольбы, которые плевали на нее и называли ее грязной шлюхой. Вспоминала, как этот крик из ее кровавых губ был жестоко заткнут. Вспоминала дикий хруст кости об необрезанный кирпич. Вспоминала, как люди повернулись, чтобы посмотреть на нее.

Девушка побежала в тот день. Она не гордилась, не гордилась тем, как она убежала. Она не гордилась тем, как она спряталась. Она не гордилась страхом, который застыл в ее членах, когда ее любимая сестра нуждалась в ней, не гордилась сердцем, которое шептало ей забыть.

В тот день она никогда не забывала. Она не могла.

После того как ее сестра умерла, девушка выросла вором. Она была бесполезной, и жизнь предприняла все возможное, чтобы напомнить ей об этом. У нее больше не было семьи, но жизнь была достаточно любезной, чтобы дать ей новую. Теперь она была сестрой Несчастной и Отчаянной, дочерью Стриа и Агонии. Жизнь была достаточно любезной, чтобы заставлять ее голодать, бить ее, пока она не попросит о смерти. Когда жизнь смеялась над ее отчаянием, она узнала, что прислушаться к тому, что хотела жизнь, было бесполезно. Она узнала, что ей нужно плевать перед лицом жизни, смеяться над ее болью и не поддаваться ее требованиям. В тот день, когда она поняла, что в первый раз она убила человека.

Поэтому она отказалась умереть, отказалась преклонить колени и предложила ей шею. Она была вором, карманником, и никто не был лучше ее. Она быстрее обращалась с кинжалами, чем любой рыцарь с мечом, быстрее с осколком стекла, чем любой лучник с луком.

Плотина Крысы была городом для мертвых, на полпути между Далекими Землями и Столицей. В таком месте не было человечества, ни одного сияющего золота, столь распространенного в столице. Люди были звери, и она была одной из них. Когда она родилась, они назвали ее Ред. Когда она выросла, они назвали ее Рэт. Они назвали ее Флеа, когда она украла их еду, и Дэд, когда она взяла их золото. Они ничего не говорили, когда она вскрывала их желудки, и так ей нравилось. Она жила одна, на крыше над какой-то крысиной аллеей, похожей на те, что составляли половину города, наполненные мусором и кусочками мяса, о которых никто не спрашивал. Она спала с двумя ножами, пристегнутыми к внутренней части ее ноги и одной ногой скраю, готовая прыгнуть. В течение четырех лет после смерти ее сестры, это была ее жизнь.

Она узнала, что она не была выбрана богами - она была отмечена дьяволом, а черные линии, закрывающие ее лицо, были доказательством ее магии и ереси.

Вдруг город грешников стал наполнен святыми, благочестивые и чистые пришли, чтобы убить ее, потому что она была ведьмой - искусителем и культистом, который принес бы гибель миру. Ради всего святого, они должны были убить ее, и если бы она заставила их поддаться своим низменным инстинктам похоти, при этом никто не мог обвинить их, потому что она была соблазнительной и собственной шлюхой дьявола. Для бывшей девушки-теперь ведьмы ни одно место больше не было безопасным. В ней не было ничего, кроме боли и сожаления, и она не чувствовала ничего подобного, когда она убежала от него.

Город Телавир находился в трех днях, но она покрыла за один через быструю сделку с торговцем, за лошадь в обмен на его жизнь. Ей едва ли удалось найти день, чтобы обнаружить, что изгой в Дамбе Крысы был изгоем и в другом месте, и даже через два часа после того, как она прибыла в Телавир, ее арестовали за убийство какого-то человека. Конечно, она была оскорблена - это была ужасно неряшливая работа; если бы она это сделала, они никогда бы ее не нашли, но почему-то они не обнаружили, что ее умение убивать является доказательством ее невиновности. Сбежать от охранников не получится, и сжечь их с помощью магии тоже не выйдет. Публичное наказание перед кровожадной толпой ожидало ее, пока пожилой профессор не предложил ей убежище, которое она любезно приняла. В конце концов, это было простое дело: все, что ей нужно было сделать, это быть его слугой и учеником, и он спасет ей жизнь.

Он увидел линии, которые закрыли ее лицо; у него тоже были черные линии на старом лице. Позже он сказал ей, что они оба братья и сестры в магии, оба дети дьявола. Если бы они не помогали друг другу, город бы их уничтожил. Четыре года он обучал ее, показал ей всю теплоту семьи, что она потеряла тот день, когда умерла ее сестра.

Через три года девушка из трущоб отблагодарила старика за его доброту ножом по горлу.

Не было никаких доказательств ее роли в смерти, но люди все равно считали ее ведьмой. Ее нужно было убрать, независимо от стоимости, чтобы она не нанесла разрушение городу. Она не могла не заметить, что их оскорбления теряли оригинальность, но они, похоже, не нашли ее серебряный язык забавным. Казалось, что они предпочитают ее острое остроумие в форме клинка в ее сердце, но ее противостояние собственной смерти привело город к тому, что он хотел видеть ее на костре. Она не возражала против их угроз - ей просто пришлось убить всех, кто приблизился к ней. Это было просто. Четыре года ничего не сделали, чтобы заставить ее

вернуться из Телавира домой.

Они отправили рыцарей за ней, но она сожгла их в своих доспехах, пока металл не тлел красным, и их плоть выскользнула из трещин. Они послали ассасинов ночью, но она сожгла их возлюбленную тьму огнем, пока от них не осталось обнаженное тело перед очищением огня. Они послали головорезов, но она перерезала их горло. Кровь окрашивала и пропитывала ее одежду, гниющие трупы были сложены на улицах за ее дверью. Они посылали все больше людей, чтобы ее голова была доставлена им, но все, что они получали, было пеплом убитого, плывущего на ветру.

Никто не мог ее победить. Она была сильнейшей; она никогда не проиграет. Чародейское мастерство на кончиках ее пальцев вызывало столпы огня и бушующие ады с мерцающим блеском мысли. Бесконечная сила проходила через ее вены, более мощная, чем любой напиток. Она была пьяна от безумия силы и магии, но ее заблуждения закончились, когда пять дюймов серебра и стали зарылись в ее живот.

Охотники за ведьмами пришли за ней, надеясь вырезать ее сердце и забрать ее кровь, чтобы продать. Ее глаза были бы вырваны из их гнезд и превращены в снадобья. Ее волосы были бы разорваны и сплетены в веревку, ее зубы вырезаны из кости и вплетены в ожерелье. Ногти были бы разорваны из плоти и измельчены в порошок. Ее тело было бы разорвано и продано. Было странно иронично, что она заметила, как простые люди освещали останки ведьмы в качестве прелести удачи, когда они проклинали ту воду, которую она выпила, как яд.

Бушующий город мог бы оторвать ей пальцы и привести их как доказательства своего варварства. Они назовут ее монстром только для того, чтобы оторвать руки и изнасиловать то, что осталось, а потом перерезать ей горло, когда они закончат. Они сожгли бы ее живьем в пылающем костре, который вздымался до небес, затем смотрели бы на ее череп и бормотали, как странна была форма: как неестественно желтеют кости и как густой запах обугленной плоти прилип к ее останкам, как дух Дьявола, которого она взяла в качестве любовника. Она ненавидела свое иррациональное лицемерие, их притворную чистоту и добродетель, когда они делились на диких зверей с почерневшей злобой и пороками. Ее дух плюнул и проклял их с каждым бодрствующим моментом.

И девушка побежала. Не в первый раз в жизни она убежала. Впервые в жизни она чувствовала страх. Но это был не тот страх, который она так долго знала. Это был не страх голода или страх смерти. Это был не страх перед холодом или страх перед клинком. В этом не было никакого смысла, нет причин. Это было иррационально. Это было безосновательно. Это было бессмысленно. Это было ужасно. Это был страх.

Это гоняло ее сердце, качавшееся с безумным одержимостью, заставляло ее мускулы напрягаться и сжиматься, пока каждое дыхание не пострадало от отчаяния быть ее последним. Он наполнял ее тело, как жгучий свинец, который проникал сквозь ее вены и впивался в ее непреходящий дух, как кобра. И она побежала.

Она побежала, пока мир не стал размытым вокруг нее, и день смешался в ночи. Она споткнулась, пока ее легкие не сгорели огнем, и ее ноги отказались двигаться. Она пошатнулась, пока ее ноги не закровоточили реками, и она была вынуждена ползти. Затем она поползла, пока ее пальцы не были оборваны и разорваны кусками камней. Она изо всех сил старалась, пока каждое дыхание не чувствовалось так, будто на спину ей давила целая гора, и пока каждый удар ее проклятого сердца не перевернулся на вечность.

Она не знала, как далеко она бежала. Она только смутно заметила, что небо было покрыто

зеленой дымкой, что ночью звезды сияли красным. Красный, как ее волосы, выбранные небесами и адом. Красный, как ее кровь. Сама земля трескалась от жажды дождя, и животные были утомлены и худы. Она побежала, пока Тени не ожили, чтобы пировать на хрупких и сильных. Она вспоминала шепот жизни, красивой девушки, которая показала ей доброту - красивой девушки, за смертью которой она смотрела.

Говорят, что тени трясутся в темноте и что ночи ужасны. Говорят, что очень кровоточащая земля выкрикивает сокрушительными голосами тысяч проклятых и забытых, которые ночью воют о мести.

Холодная дрожь сырого ужаса сказала ей, где она, куда она попала. Она побежала в Далекие Земли.

http://tl.rulate.ru/book/8591/164735